

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Сцена
преступления

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии и иллюстрация на обложке
В. Щербакова

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Сцена преступления / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-229581-2

Полковник МВД Лев Гуров приходит на спектакль Театра лицедеев, приехавшего в Москву на гастроли. Неожиданно в разгар представления зрительный зал заполняется усыпляющим газом, в результате чего публика, в том числе Гуров, ненадолго теряет сознание. Очнувшись, зрители видят на сцене повешенного худрука с табличкой на груди: «Театр требует жертв!» Полковник начинает расследование по горячим следам. Он понимает, что злоумышленник не успел покинуть помещение театра. Но как его вычислить, если все участники представления и персонал одинаково загрированы, а камеры видеонаблюдения выведены из строя?.. Сыщик отмечает одного подозреваемого за другим, понимая, что подбирается к настоящему убийце все ближе и ближе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-229581-2

Глава 1

Апрельское солнце навязчиво пробиралось сквозь тонкие занавески супружеской спальни и мягкой вуалью ласкало поблескивающие недовольством глаза Марии. Женщина, насупленно сложив руки на груди и поджав губы, мысленно сверлила взглядом супруга, который в этот миг угловато топтался подле зеркала, оглядывая себя в полный рост. Настроение у двоих было, мягко сказать, напряженное.

— Маша, ну пощади! Мне клоунов и на работе хватает! Может, в следующий раз, а? Еще и пиджак как-то жмет... и кольцо я, однако, сниму. Руку в тире перетрудил, мозоль цепляет.

Сгримасничав, он принялся стаскивать символ своей глубокой верности с безымянного пальца.

— Ну вот все не так, и настрой...

— Во-первых, не клоуны, а лицедеи!

Супруг едва открыл рот, дабы продолжить сыпать аргументами, но Мария оставалась непоколебимой и не планировала отступать.

— А во-вторых, мой ответ — нет! — твердо ответила она. — Да, не спорю, у нас, впрочем, как всегда — перед важным мероприятием все идет кувырком. Вчера, например, я опоздала на маникюр, а когда уже приехала, получила сообщение на телефон, что Аллочка, моя незаменимая Аллочка, по пути на работу в салон и вовсе умудрилась здорово споткнуться на лестнице, притом подвернув лодыжку! Смирившись с отсутствием качественного ухода за ногтями, следом я поехала в торговый центр, чтобы подыскать подходящий наряд. Естественно, как по закону подлости, ничего купить мне не удалось! Все было либо слишком велико, либо вопиюще дорого или смотрелось так, словно я на дачу ишу прикид, а не в театр желаю попасть! Единственные радости, оправдывающие неудачи, — это то, что следующее посещение маникюрного салона для меня будет бесплатным, а ни разу не выгулянное платье на сегодняшний вечер я как нельзя кстати отыскала в своем же гардеробе.

■ Мария, почти завершив рассказ, теперь взметнула руками, уставив их кулачками в бока.

— Поэтому мои сборы, дорогой, начались гораздо раньше твоих вздохов и охов, и они должны быть оправданны!

Гуров обезоруживающе поднял ладони перед собой, как бы успокаивая распылившуюся супругу.

— Да я не о том, Маш, — начал Лев, все так же недовольно бросая взгляды на собственное отражение, — как-то на душе неспокойно, знаешь. Есть зверь такой почти у каждого — чуйка называется, и вот эта моя чуйка меня никогда не подводит. Вот прям знаю, уверен, можно сказать, что дома остаться сегодня — самое верное решение.

До того парировавшая его аргументы женщина на миг задумалась, уперев расфокусированный взгляд на собеседника.

— Да-а-а, внутреннее предчувствие у меня с самого утра какое-то скверное, тут с тобой соглашусь. Но! Мы с тобой сто лет никуда не выбирались, и ты обещал — в законный выходной ты полностью в моем распоряжении! Так что давай-давай, не отлынивай и поторопись, у нас час до начала спектакля.

«Не по-лу-чи-лось...» — подумал мужчина.

Лев Иванович демонстративно сделал глубокий вдох, вновь прикинул к шее темно-коричневый галстук, оценивая сочетаемость с классическим костюмом, который крайне

редко видел свет, и, окончательно поняв, что не разбирается в стиле так, как супруга, обезоруживающе выдохнул. Маша, мысленно радуясь победе, тем временем довершала свой образ духами. По комнате разлился свежий цитрусовый аромат.

— Здесь был бы неплох вот тот, шалфейно-зеленого цвета. Он отлично подойдет к твоему темно-серому костюму.

— Так, к темно-серому шалфейно-зеленый... — пробубнил Гуров, морща лоб и выискивая среди двадцати вариантов полосок ткани, разложенных на кровати, диковинный цвет.

Поиск затянулся на несколько минут и не дал продуктивного результата. В итоге Маша, не выдержав настойчиво умоляющего взгляда напротив, словно мужчину бросили на произвол судьбы совершенно одного, тет-а-тет с вычурными приблудами, направила супруга в нужное русло:

— Нет, ты взял просто зеленый, а я имела в виду шалфейно-зеленый галстук.

Однако и этого оказалось недостаточно, поэтому пришлось уточнять.:

— Второй слева.

— Второй слева — вот так бы сразу. Ты же знаешь уж за столько лет, нам, мужикам, прямо надо указывать, а то эти законодатели

моды как намудрят. Мы, может, только-только к бирюзовому привыкли, а тут уже и приставки в ход пошли!

Мария, печатая сообщение Наталье, супруге Стаса Крячко, оповещая о том, что они все-таки точно задержатся, лишь понимающе улыбнулась протестам и ворчаниям мужа.

Так, двадцать шестого апреля в Москву прибыл гастролирующий по всему миру, славящийся своим искусством пантомимы театр лицедеев из Екатеринбурга. Какое-то время, еще в двухтысячных, труппа артистов была никому не известна, пока за дело не взялся один из действующих, еще на тот момент молодых актеров и не вывел таланты в массы, предав нишу клоунады огласке. Ныне же билеты на представление раскупают едва ли не за пару часов, а прежде чем отстоять очередь в зрительный зал, чтобы занять свое место, нужно запастись несколькими десятками минут ожидания. Марии же досталось целых четыре билета в благодарность от поклонницы, дабы актриса театра и сама иногда могла позволить себе насладиться творчеством и приобщиться к искусству, хотя и иной отрасли мастерства. Без раздумий было решено идти с мужем и позвать чету Крячко, однако Станислав, конечно, решил по дружбе подстраховать напарника и остался на работе,

отправляя «отдуться» Наталью, точнее, «повеселиться» за двоих.

Стоит признать, глухарей в отделе, ютившихся в папочках на столах, и впрямь было выше крыши. Например, чего стоила резонансная ситуация с пропавшей прямо с аукциона картиной девятнадцатого века. Казалось, только дожали дело и свели все концы с концами, задержав похитителя, как с каждым допросом всплывающие ответы, наоборот, будто отодвигали следствие от истины. Или последнее дело «библиофила-домушника», который отличался особым изысканным вкусом на похищенное и пробирался лишь в те квартиры, где хранились редкие и ценные издания книг. Поймать эстета также пока не удалось, что, мягко говоря, печалило Петра Николаевича — генерала и начальника, ведь не так давно потерпевшим стал близкий товарищ Орлова, кто-то из политической верхушки... а значит, дело дрянь!

Время в очереди тянулось, казалось, вечность, особенно для Гурова, который как раз всюю вспоминал обо всех всяках, что с трепетом поджидают его на любимой сердцу службе, и при этом старался выглядеть по возможности довольным. Второе у него, правда, получалось хуже.

— Вы только представьте, это было их условием — на три дня театр в их полном распоряжении! Иначе — отказывались приезжать, — воодушевленно делилась Маша с Натальей. — Прибывший персонал, костюмы, бутафория, сценический реквизит и даже громоздкую аппаратуру умудрились привезти с собой!

— И директор вашего театра не был против самодеятельности?

— Да что ты! Аристарх Савельевич их полгода зазывал! Они же только-только с гастрольного тура по Европе вернулись и сразу к нам!

— Хм-м, — протянула Наташа, потрясенно покачав головой. — А наполнение буфета отличается от стандартного?..

Маша призадумалась, явно заинтересовавшись вопросом.

— Дождемся антракта и выясним. А представь, к слову, мне еще на работе в подарок на Восьмое марта выдали два флаера на приличную сумму в ресторан молекулярной кухни! Никогда слевой там не были, и вот как раз после окончания представления сходим!

— Правда? Ой, чудесно! Мы там были, я, знаешь, тебе советую...

Далее Гуров не слушал, о чем трезвонят дамы.

Наконец трое приблизились к входу в зал, оказавшись в самом начале очереди. С напутственными словами о приятном времяпрепровождении стоящей впереди троицы проверила билеты тех контролерша. Хотя сказать точно, кто скрывался под обильным слоем грима, а также огромным в плечах, бесформенным, кричаще-оранжевого цвета пиджаком и такими же несуразными малиновыми брюками, признаться, было непросто. Лишь приблизительно, визуальнo идентифицировав анатомические особенности челюсти, полковник предположил, что перед ним женщина. Но стоило только сотрудникам смениться из-за наплыва жаждущих представления, Гуров понял, что весь персонал поголовно, в совершенно одинаковой одежде, с идентичными раскрасами, париками и в хаотичном ярком мельтешении, был совсем не отличим друг от друга.

Спутницы всячески старались разрядить напряженную атмосферу шутками, ностальгическими разговорами и рассуждениями о грядущем спектакле, но Лев Иванович оставался непреклонен. Улыбка так ни разу не тронула его профессионально-серьезное лицо. Особенно Гурова волновал костюм, невероятно неудобный и тесно сжимающий его в плечах. Примерить раньше не было

ни желания, ни возможности, а чтобы направиться за покупкой нового пиджака, не оставалось времени. Поэтому, заняв свое место согласно врученному билету, он не то что чувствовал себя не в свой тарелке, раз за разом расправляя плечи, а привлекал внимание теперь уже и остальных прибывших ценителей лицедейства своими неординарными движениями, будто ему кто-то заполз под пиджак, а он настойчиво пытается этого кого-то оттуда вытурить.

Да и завсегдатаем театра Лев не был — чаще всего его поход в театр ограничивался тем, что он забирал супругу по пути с работы и дальше гардероба не заходил. Потому ныне он пытался насладиться хотя бы окружающей атмосферой и проникнуться всеобщим восторгом. Обстановка действительно восхищала помпезностью: полукругом по верхней части зала располагались статуи богов из древнегреческой мифологии, всего их удалось насчитать двенадцать, и каждое произведение искусства выделялось приглушенным светом, что придавало особый изыск деталям и всеобщей обстановке места. Гуров даже подумал, как по-разному проходят обычные будни супругов: он раз за разом ловит нехороших людей, глядит на разного рода сволочей и чтит порядок да закон,

а Маша же в это время окружена красотой, возрождением духа и чем-то сложным, даже, можно сказать, великим и непонятным, отличным от серых будней и столичной суеты. Далее его внимание привлёк куполовидный потолок, в центре которого красовалась внушительных размеров люстра, диаметром не менее чем шесть метров, с утяжеляющими хрустальными каплями, блеск которых вбирал в себя свет, а следом отбрасывал во все стороны огромнейшего шатра претенциозно яркие лучики. Тут уж любому человеку независимо от чина и уровня образования придет в голову мысль: «Надежно ли она закреплена? А если эта махина рухнет?..» Довершала сие благородное место слившаяся в единый дурман какофония напыщенно-дорогих парфюмов, которая уже спустя короткое время пребывания здесь превратилась в смрад и удушала естество кислорода.

Вдруг в помещении, как будто по чьей-то отмашке, воцарилась тишина. Постепенно погас свет, а следом тяжелый бордовый занавес взмыл вверх, ознаменовав начало спектакля.

Первые пятнадцать минут представления дались Гурову с особым трудом. Все было не так и не эдак. Взирая на безмолвную пантомиму, рьяно мельтешащую на сцене, он мысленно рассуждал: «В чем же суть, когда,

будучи уже в зрелых годах, по сцене прыгают дядьки и тетки, дурачатся, представляя это чем-то приобщенным к актерской игре?.. В свою очередь, другие, такие же взрослые дяденьки и тетеньки отчего-то находят все это безобразие смешным? Вот другое дело что посерьезнее — например, балет или о-о-опера. Вот это да, размах!» Правда, следом навязчивые мысли пытались увести его раздумья в сторону оперóв, но Лев шустро погасил очередное беспокойство о трудовых буднях.

Вот из-за кулис выглядывает некто, напоминающий клоуна, однако на лице его печальный грим с характерной капелькой голубой слезы на белом полотне щеки. Актер старательно звонит, очевидно, своей подруге, по телефону, и средство связи выглядит как надувной воздушный шар, а далее несуразно пытается признаться даме сердца в любви, вымаливая прощение за свои измены. Все последующее действие сходит в гротескное поведение и столь же гротескную подачу смысла. Завершается прелюдия «хеппи-эндом», ведь клоун сумел договориться о примирении сторон с последующим свиданием, а также прихватил в охапку букет таких же дутых, как и телефон, цветов.

Гуров шумно вобрал носом воздух и потянул руку в карман брюк к мобильнику, что

отчаянно требовал внимания, вибрируя входящим вызовом. Быстрая реакция супруги не заставила себя долго ждать. Маша перехватила руку Льва и, чуть сжав ту своей изящной кистью, вернула ладонь Гурова на подлокотник.

— Ни-ка-кой ра-бо-ты, — отчеканила Маша шепотом. — Не отвлекайся, дорогой, и расслабься.

Ладонь Маша убирать не стала, но, стоит признать, этот жест наконец успокоил мужчину, после чего представление и впрямь постепенно стало заинтересовывать чопорного полковника полиции. И уже через десять минут Гуров даже начал следить за сюжетом. Происходящее выглядело немного забавным, если не воспринимать это всерьез и позволить думам отойти на второй план. Спустя еще двадцать минут впечатляющее зрелище под приглушенный смех зрителей начало затягивать в сон. Лев быстро окинул взглядом циферблат часов на левой руке и возрадовался, что антракт близок, а там — дело за малым. Отстоять километровую очередь в буфет, наскоро засунуть в себя парочку бутербродов с икрой, пригубить хорошего коньяка, а потом вновь удрученно вернуться в очередь, только теперь уже обратно в зрительный зал. «Что ни сделаешь во имя

брака! Ну ничего-ничего, и они нас порою терпят!» — прикидывал полковник, пытаясь вытащить из памяти историю как раз на случай, чтобы не позволить себе окончательно провалиться в сон.

«Мы вот, помнится, в августе со Стасом на одну базу отдыха в глушь поехали по наводке, мол, там прятался один из фигурантов дела. Километр оставался до назначенного места, а тут машина у нас, как назло, а может, и к счастью, сломалась, да и застряли мы на три дня без связи в «Берлоге» — так называлась база. Благо рядом «крузак» двухсотый проезжал, за рулем которого по загадочному совпадению оказался давний однокашник Крячко и по совместительству владелец «Берлоги», он-то нас на тропе дотащил, напоил, накормил и в баньку отогреться сопровождал. В итоге след оказался ложным в отличие от опят, которых мы в бору той местности набрали по несколько кузовков. Да-а-а, долго тогда Маша ругалась: что места себе не находила, что всех на уши подняла... но ничего. Сладилось все. Так что, Гуров, держи лицо! Жена терпела и нам велела!..» — думал полковник, всячески пытаясь себя растормошить, дабы побороть зевоту и искоренить желание уснуть. Чашка выпитого недавно

эспрессо предательски подводила и не оказывала желаемого эффекта.

— Лев, мне... так сильно хочется спать.

Невнятный, ослабевающий с каждым мигом голос супруги слышался приглушенно, рвано. Гуров лениво повернул голову к источнику звука и широко зевнул, прикрывая рот кулаком. То же действие выполнили Маша и Наташа, а следом, приложив головы друг к другу на плечи, мирно засопели.

«Что-то недоброе происходит», — подумал Гуров, озираясь и разглядывая сперва выступающих, а затем всех сидящих на ближайших рядах. Актеры театра, едва держась на ногах и тщетно хватаясь за достаточно устойчиво закрепленный к полу реквизит, сползали ниц один за другим. Каждый зритель, словно сонная муха, пытался воспрянуть бодростью, однако получалось скверно, и люди поочередно отрубались наповал. Выглядело так, будто присутствующие оказались введены в «спящий режим», как на компьютере, для экономии энергии. Некий молодой паренек вальяжно развалился на кресле, сидевшая позади него дама в преклонном возрасте запрокинула голову и похрапывала с открытым ртом, а сидящий подле Гурова мужчина и вовсе, сложив руки лодочкой под щеку, пытался приютиться

и опереться на Льва Ивановича, который тотчас же подался вперед, чтобы встать и не дать себе уснуть.

Голова закружилась, горло саднило, в носу мерзко пощипывало, а разум не позволял связать и двух слов. Воздуха оказалось критично мало, равно как и времени на действия. «Траванули, гады! Кому это было надо? Зачем?» — но размышлять было некогда. Пошатнувшись, опер обмяк и рухнул обратно в кресло. Рука полковника вновь потянулась к мобильнику, только на этот раз его уже никто не остановил... видать, он остался единственным, кто пребывал еще в хоть каком-то сознании. Картинка глазах в двоилась, и зрение все больше теряло фокус, оттого сосредоточиться на экране телефона с каждым мигмом становилось труднее. И все же нажать кнопку вызова, хаотично выбрав кого-то из последних, с кем созванивался, ему удалось. Не дожидаясь, когда голос на обратной стороне трубки поприветствует его после завершения гудков, Гуров хрипло выдавил:

— Ленина, пятьдесят четыре, — надеясь, что будет услышан абонентом.

Тело окончательно перестало поддаваться: рука безвольно упала вниз, средство связи выскользнуло из расслабленной ладони. Последнее, что удалось ему узреть, — внезапно

возникшая суeta перебегающих на сцене нескольких разноцветных пятен. Или глаза окончательно подводили, удваивая не подвергшиеся всеобщему мороку фигуры?

Это было уже не важно, ведь сейчас разум полковника уголовного розыска Льва Ивановича Гурова напрочь померк...

* * *

Разноголосая мешанина, стекающаяся отовсюду, сливаясь в единый балаган, проникла в мозг, вызывая к пробуждению.

— Полиция! Всем оставаться на своих местах!

— Спектакль окончен?

— Она не просыпается! Врача, срочно врача сюда!

— А кто нам вернет деньги за билеты?

— Это что еще за виселица? Шоу продолжается?!

— Дайте пройти! Я не намерен больше здесь находиться! Засужу! Вы все у меня сидите! Все! Ясно вам?!

— Не пускайте сюда репортеров!

— Лев! Лев, приди в себя! — чеканно и сурово приказывал единственный знакомый голос, тем не менее снисходящий словно бы издалека.